

ПОСЛЕ АТАКИ

СЛУЧАИ, о котором я хочу рассказать, крепко запомнился мне не победным результатом и не тем изумительным состоянием, которое испытывает подводник после удачной атаки. Правда, и то и другое было — и хорошая атака, и добрый результат. Но главное, что отложилось в памяти, что оказалось связанным с наиболее сильными переживаниями, произошло после...

Однако обо всем по порядку.

ПЕРВУЮ половину дня 29 апреля 1942 года мы провели в подводном поиске противника. Вторые сутки наша «малютка» — подводная лодка М-171 находилась на позиции в Баренцевом море, неподалеку от мыса Кибергесс. Не прошло и часа после обеда, как в перископ был обнаружен конвой, идущий по направлению к Вардэ. Прозвучал сигнал боевой тревоги.

Надо сказать, что этому моменту предшествовало почти тридцатичасовое пребывание под водой, электроэнергия аккумуляторной батареи была изрядно израсходована. Ее могло практически хватить только на хорошую атаку. На отрыв же от преследования, особенно если оно затянется... Впрочем, об этом лучше было не думать. Ведь не могли же мы отказаться от атаки, когда противник был виден на выгодных курсовых углах!

Атака началась. Сближение шло на контркурсах и потому протекало быстро. Уже через несколько минут стало заметно, что транспорты плотно прикрыты охранением. Сторожевые корабли окружали их кольцом. А на море стоял штиль, и поднимать перископ приходилось изредка, лишь на короткие мгновения.

Прорывать охранение, — а другой возможности для надежного удара по транспортам не существовало, — предстояло с головы. Вот мы поднырнули под сторожевик, шедший встречным курсом. Точные дистанции между кораблями внутри охранения я не знал. И это беспокоило. Приходилось строить расчеты, исходя из принятого немцами типового боевого порядка, известного мне по опыту прошлых атак. Неизвестность, ожидание невидимой опасности были настолько сильны, что я едва преодолел искушение поднять перископ раньше, чем того требовала необходимость.

Перископ был поднят за полминуты до залпа. Выпустив по транспорту торпеды с дистанции, не превышавшей 4 кабельтовых, я начал вводить лодку на глубину с одновременным поворотом на обратный курс. Через несколько секунд раздался сильнейший взрыв — торпеды достигли цели. Внутри у меня все ликовало.

Но тут и началось! Противолодочные корабли набросились на лодку. Бомбежка велась с такого близкого расстояния, что мы могли даже отсчитывать время с момента падения бомбы на поверхность воды и до ее взрыва на глубине.

Мы принялись маневрировать, отрываясь от преследования. Но делать это было ой как нелегко! В со-

ставе охранения имелись корабли, оснащенные гидролокацией. Мы чувствовали ее работу. Будто стальным кнутом били по корпусу лодки, когда на него наткнулся гидролокационный луч.

Три часа продолжалось преследование. Мы уклонялись только малыми ходами — плотность аккумуляторной батареи упала настолько, что с каждой минутой неумолимо приближалось мгновение, когда пришлось бы всплывать.

Но так или иначе от преследования нам удалось уйти. Корпус лодки не получил опасных ран. Прошло двадцать минут после взрыва последней, тридцать седьмой, бомбы, когда я осмотрел в перископ горизонт и небо, прежде чем отдать приказ к всплытию. Вокруг все казалось спокойным.

И ВОТ — лодка на поверхности. Я поднялся к рубочному люку и развернул кремальеру крышки. С глухим звоном вырвался наружу тяжелый, тошнотворный лодочный воздух. Я поднялся на мостик. Полуторасуточное пребывание под водой и все пережитое сразу дало о себе знать. Закружилась голова, по всему телу разлилась приятная слабость.

— Внимательно осмотрите в бинокль горизонт, — приказал я сигнальщику Федосову, поднявшемуся вслед за мной.

Не прошло и полминуты, как раздался срывающийся голос Федосова:

— Сторожевой корабль, полным ходом идет на нас!

Со стороны неприятельского берега, находившегося милях в десяти, действительно, шел, отчаянно дымя, сторожевик. Его контуры едва вырисовывались в мареве рассеянного солнечного света. Расстояние до противника на глаз не превышало пяти миль.

А между тем мы не могли и думать о погружении. Электроэнергия почти иссякла. Лишенные возможности двигаться под водой, мы могли стать легкой добычей противника. Оставалось одно: отрываться от сторожевика надводным ходом.

Лодка после всплытия имела малый ход, составлявший около 8 узлов. Чтобы развить его до полного, требовалось определенное время, в течение которого надо было постепенно прибавлять обороты. Иначе двигатель вообще мог отказать.

Сторожевик тем временем закончил циркуляцию и лег на курс, ведущий на подводную лодку. Тут же прямо по носу, в пятидесяти метрах от нас, взметнулся белый султан — всплеск стомиллиметрового снаряда. Через несколько секунд поднялся всплеск в двадцати метрах за кормой. Третий снаряд упал опять впереди по курсу. Вилка!

— Механика и старшина моторной группы на мостик! — крикнул я вниз. И когда оба моряка появились на мостике, спросил: — Сможете за короткий срок дать полный ход?

— По инструкции не положено, — в один голос ответили инженер-механик Смычков и старшина группы Соколов.

— Через пятнадцать минут дать полный ход!

Риск! Но иного пути к спасению не было. Изменив курс в сторону мыса Вайтолахти, на котором находилась наша 130-миллиметровая батарея, я с нетерпением ждал, когда двигатель наберет полные обороты. Вся надежда была на опыт и виртуозное мастерство старшины Соколова и всей моторной группы. Только они могли обеспечить решение единственно спасительной для нас задачи: уйти под прикрытием батарей прежде, чем сторожевой корабль сблизится с нами и расстреляет лодку.

Первый раз в жизни я пожалел, что наша единственная пушка расположена в носу, а не на корме. Отстреливаться мы не могли. Это значило бы, во-первых, подставлять противнику борт и, во-вторых, удлинять наш путь к Вайтолахти.

Меняя курсы, я держал сторожевик на кормовых углах. Снаряды продолжали падать, правда, всплески теперь поднимались в стороне, на безопасном расстоянии. Все-таки наше маневрирование мешало противнику пристреляться.

Через несколько минут мотористы дали полный ход. Теперь дистанция между нами и сторожевиком сокращалась медленнее. Но она все-таки сокращалась!

По своему напряжению это были редкие минуты. Потому-то они и запомнились мне на всю жизнь. Что может быть труднее: не имея возможности использовать свое оружие и отходить под огнем беззащитным! Временами меня охватывало с трудом преодолеваемое желание вызвать расчет нашей сорокапятки, развернуться бортом и дать хотя бы несколько выстрелов по самоуверенно преследующему нас сторожевику. Но усилием воли я отгонял это величайшее из желаний. Такая дуэль могла иметь лишь один, трагический для нас исход.

Так шли мы под огнем, меняя курсы, сбивая наводку артиллеристов врага. Мы не удирали без оглядки, а отходили обдуманно и планомерно, всеми силами стараясь сохранить жизнь корабля. Но, черт возьми, как тяжело давался этот отход!

Я не помню точно, сколько времени длилось преследование. Время вообще утратило для меня свое обычное значение. Залп, еще залп... Все ближе и ближе корпус вражеского корабля...

И вдруг сторожевик, так и не сблизившись на дистанцию действительного огня, резко изменил курс, развернулся к нам бортом, дал залп из двух пушек и лег на обратный путь. Видимо, фашистский командир понял, что дальше следовать за нами опасно, что зона действия наших береговых стотридцаток — вот она, рядом.

— Сбавьте ход до среднего! — крикнул я вниз. И только тут почувствовал, что и весеннее солнце, и ясное штилевое море — это для нас; что мы живы, что возвращаемся с победой, которая, казалось, была одержана давным-давно и без особого труда...

Капитан 1 ранга
В. СТАРИКОВ,
Герой Советского Союза.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА: МОСКВА, Д-317, ГСП, ХОРОШЕВСКОЕ ШОССЕ, ДОМ 38. ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ: — Д 5-35-82; партийно-политической работы — Д 5-93-54; комсомольской жизни — Д 5-92-94; боевой подготовки Сухопутной подготовки ВМФ — Д 5-93-25; науки и техники — Д 5-94-23; культуры и быта — Д 5-97-22; критики, библиографии и обзор писем и массовой работы — Д 5-98-15; оформления — Д 5-98-22; пресс-би